

К. В. Киселев

Институт философии и права УрО РАН

ЛОББИЗМ И ОБРАЗОВАНИЕ

Лоббизм* — один из наиболее значимых механизмов взаимосвязи общества и государства. Предельным основанием для возникновения лоббистского отношения является наличие в структуре общества социально оформленных интересов. Оформление интереса предполагает наличие в структуре социальной системы групп интересов, то есть групп, имеющих один или несколько интересов и выдвигающих требования к другим группам для реализации этих интересов. Соответственно группы интересов, продвигающие свои интересы через структуры государства (или иные официальные институты, в частности институты местного самоуправления), выступают как группы давления, приобретают политический характер. Деятельность таких групп давления, механизмы их влияния на органы власти и управления, определяющие процесс принятия решений, по сути, и есть основная проблематика как теории лоббизма, так и практики продвижения тех или иных интересов с помощью лоббизма.

Существуют два основных подхода к пониманию сути и определению лоббизма. В рамках первого лоббизм понимается как *деятельность субъектов, влияющих на структуры государственной (муниципальной) власти и управления с целью принятия ими необходимых решений*. Сторонники второго подхода связывают лоббизм исключительно с *профессиональной деятельностью физических лиц*

или организаций по продвижению интересов клиентов в структурах государственной (муниципальной) власти и управления. На уровне теоретического исследования различие этих двух позиций заключается в решении вопроса: признавать аномические (спонтанные) выступления граждан, а также жалобы, обращения, петиции и подобные гражданские акции лоббистскими или нет? Понятно, что все юридико-институциональные определения лоббизма находятся в рамках второго подхода, тогда как политико-социологические — в основном в рамках первого. При этом первый подход является более широким, включающим все определения, возможные в рамках второго, и предоставляет больше возможностей как для понимания сути самого явления, так и для выработки практических рекомендаций, особенно в условиях, когда гражданское общество есть лишь благое пожелание и политологов-теоретиков, и политиков-практиков.

Наличие сформированных институтов гражданского общества предполагает, что урегулирование конфликтов интересов происходит с помощью механизмов самого гражданского общества. В тех случаях, когда такие механизмы отсутствуют, гражданское общество только формируется, группы интересов вынужденно обращаются к государству и его структурам, признавая, с одной стороны, их право на вмешательство в дела этих групп, с другой, — возможность этих структур выступать в качестве более или менее *независимых* арбитров. В результате такого обращения к государству степень урегулированности отношений гражданского общества возрастает, происходит дальнейшая политизация групп интересов, развитие институтов гражданского общества замедляется или вообще приостанавливается. Другими словами, стра-

*В XVI веке в Англии словом *lobby* (кулуары) обозначалась площадка, предназначенная в монастыре для прогулок. Столетие спустя *lobby* стали называть коридор, в который выходили члены английского парламента для прогулок или голосования. Несколько позже *лоббистами* стали называть лиц, которые уговаривали членов парламента проголосовать тем или иным образом за законопроект.

тегическая схема становления институтов гражданского общества предполагает наличие возможности того, что зарождающиеся институты гражданского общества сами создают препятствия для своего развития. И их конкуренция в степени влияния на структуры государства далеко не всегда способствует либеральной динамике в транзитивных обществах. Группы интересов, лоббируя свои тактические интересы, конкурируя в их реализации друг с другом, влияя на власть, а иногда и формируя ее, вполне способны замедлить или вообще остановить транзитивные процессы, поставив под сомнение реализацию своих собственных стратегических задач.

Таким образом, анализ существующих лоббистских схем и выработка практических рекомендаций для лоббистов предполагает выяснение не только степени сформированности групп интересов и готовности к артикуляции интересов тем или иным способом (т.е. готовности выступать в качестве групп давления), но и в первую очередь характера осознаваемых этими группами интересов.

Группы интересов в системе образования начали складываться достаточно рано, фактически одними из первых. Например, появление Указа Президента РСФСР № 1 от 11 июля 1991 г. «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» было связано не только с осознанием политической значимости системы образования, но и с признанием лоббистских возможностей групп интересов, связанных с этой сферой. Свидетельством того, что группы интересов в системе образования в начале 90-х годов не только складывались, но и активно заявляли себя в качестве групп давления, являются самые различные акции протеста, предпринимаемые учителями и вузовскими работниками в различных регионах России. К этому же времени фундируются также принципиальные основания, характеризующие механизм лоббирования в системе власть – образование.

Во-первых, в это время становится отчетливо видно, что единый «образовательный» интерес – политическая фикция. Система образования, о единстве которой так много говорили теоретики, оказалась неспособной сформулировать и проартикулировать на уровне государства хоть сколько-нибудь однородный, общий интерес, отражающий в том числе некое стратегическое видение перспектив развития образовательной отрасли.

В то время как стратегические перспективы и стратегические интересы оказались вне поля внимания большинства групп давления, порожденных системой образования, тактические интересы раз-

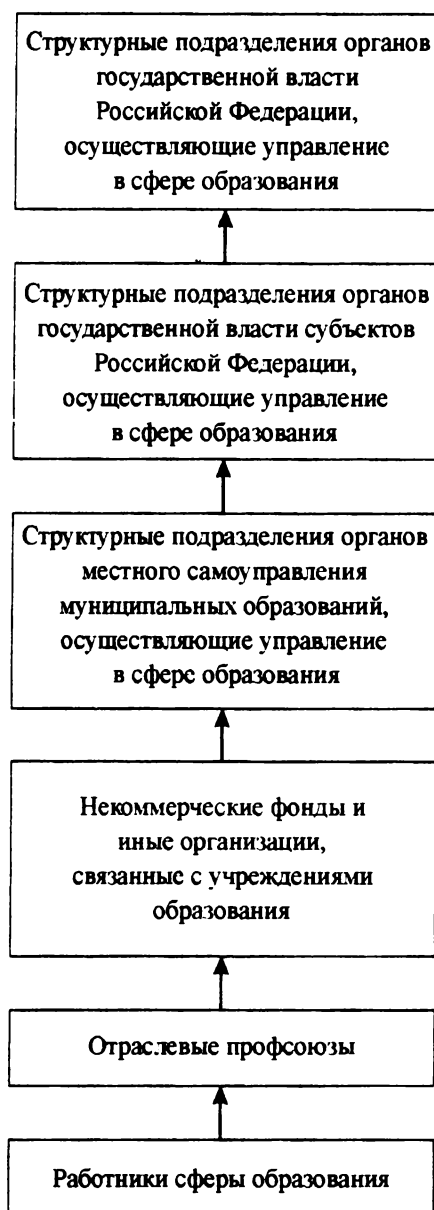
личных «образовательных» лобби зачастую расходились. Интересы средней школы не соответствовали (или не вполне соответствовали) интересам вузов. Или интересы создаваемых в различных субъектах Российской Федерации фондов, аккумулирующих в той или иной части «однопроцентный» сбор, противоречили вообще какому-либо интересу учреждений системы образования. Интересы активно создаваемых коммерческих (негосударственных) вузов не совпадали с интересами вузов государственных, а иногда и прямо противоречили им. Ярко проявлялись территориальные разногласия групп интересов и региональных лоббирующих структур.

Во-вторых, в условиях экономического кризиса, когда большинство работников сферы образования были поставлены на грань выживания, вполне закономерно, что образовательное лобби использовало для продвижения своих интересов методы, характерные прежде всего для промышленных работников, фактически методы из синдикалистского арсенала (забастовки, пикеты и т.п.). Причем эти методы в иерархии эффективности лоббистских усилий оказались на долгое время на первых местах.

В-третьих, уже в первой половине 90-х годов начали складываться вертикальные структуры для артикуляции интересов работников образования. Фактически все они были замкнуты на субъектах двух видов. С одной стороны, объединить работников образования и так или иначе проартикулировать их интересы смогли соответствующие отраслевые профсоюзы, с другой — в качестве лоббистов выступали сами органы (структурные подразделения органов) государственной власти и органы (структурные подразделения органов) местного самоуправления, чья деятельность была связана с управлением учреждениями образования. Иные субъекты (различные организации, связанные с системой образования) столь значимой роли не играли и чаще всего решали свои частные, локальные задачи.

В результате складывалась достаточно простая лоббистская пирамида.

В этой пирамиде работники сферы образования выступали прежде всего как клиенты, заказывающие лоббистские услуги у профсоюзов, фондов и иных организаций, связанных с образованием, или органов государственной власти и местного самоуправления. При этом работники сферы образования могли также играть собственно лоббистские роли, продвигая свой интерес непосредственно через петиции, обращения, забастовки, пикеты и т. п.

Профсоюзы и фонды (иные организации) выполняли аналогичные роли, правда, с учетом того, что они не только транслировали интерес работников сферы образования выше по пирамиде, но и имели свои собственные интересы.

Соответственно органы (структурные подразделения органов) государственной власти и органы (структурные подразделения органов) местного самоуправления муниципальных образований выступали, с одной стороны, как клиенты, лоббирующие свои интересы, с другой — как субъекты власти, на которые оказывалось лоббистское влияние, с третьей — как собственно лоббисты.

С учетом того, что профсоюзы работников образования практически во всех субъектах Российской Федерации традиционно имели устойчивые связи с органами государственной власти и местного

самоуправления, они использовались в основном для решения задач исключительно технологического характера (организация забастовок, пикетов, митингов, демонстраций, направление петиций и т.п.). За ними стояли либо администрации конкретных учреждений образования (советы ректоров и т.п.), либо фонды (иные организации), связанные с системой образования, либо опять-таки сами органы (структурные подразделения органов) государственной власти и местного самоуправления.

В результате оказалось, что если основным лоббистом в системе образования на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований все же оказались сами органы государственной власти и местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, то властным субъектом, от которого зависело принятие соответствующих решений, — исключительно высшие органы государственной власти и прежде всего органы исполнительные.

Другими словами, постепенно внешнее лоббирование интересов в сфере образования в значительной части свелось к установлению связей того или иного учреждения образования (объединения учреждений образования или их администраций) с соответствующим органом или его структурным подразделением, «отвечающим» за работу сферы образования, а *встроенное лоббирование* свелось к успешным или нет попыткам этих органов или подразделений повлиять на руководителей региона или муниципального образования.

В-четвертых, в первой половине 90-х годов сложились механизмы перераспределения полномочий и соответственно ответственности в сфере управления образованием, связанные с более общими процессами раздела «сфер влияния» между местным самоуправлением, субъектами Российской Федерации и Российской Федерацией. Это закономерно привело к рассредоточению лоббистских усилий. Школы, техникумы, вузы, оказались встроенными в различные схемы финансирования и соответственно в различные лоббистские отношения.

Наконец, в первые годы реформ были в полной мере отработаны механизмы нейтрализации лоббистских усилий, связанных как с организацией массовых акций протеста, так и с попытками выйти за рамки «дозволенного» в организации встроенного лоббизма. Новая «постперестроечная» бюрократия освоила правила номенклатурной игры и изжила «свободолюбивые порывы» первых реформаторов-идеалистов.

Итак, к середине 90-х годов становится ясно, что образовательное лобби оказалось одним из мно-

гих на рынке политического и административного влияния. Более того, его возможности оказались далеко не самыми значительными. Что же касается способов влияния, которые применяли лоббисты сферы образования, то и в этом отношении образовательное лобби зарекомендовало себя как не самое «оригинальное», используя методы, наработанные другими и давно. При этом работникам образования использовать крайние средства давления (блокирование дорог, голодовки, забастовки, захваты административных зданий и т.п.) часто не позволяла специфика профессии, а доступа к новым механизмам лоббирования у них не было. Соответственно в иерархии приоритетов, выстраиваемой властью в условиях кризиса, образование оказалось далеко не на первом месте в стратегии «селективной поддержки», выработанной российскими правительствами «практиков лоббистов»[1].

Принципиальным итогом первой половины 90-х годов, на наш взгляд, стало также формирование в деятельности организаций и органов, связанных со сферой образования, по продвижению своих интересов стратегии *развития через выживание*. Лозунги этой стратегии известны: «Сохраним бесплатное образование для будущего», «Повысим зарплату бюджетникам!», «Сохраним учительские коллективы!», «Без образования нет будущего!» и т. д. При этом под «будущим» везде и всюду имелось ввиду «прошлое», в котором «было лучше», а наше образование было «самым, самым, самым», почти таким же, как наш балет. И даже в известной рекламе известного стирального порошка о его экономичности до сих пор говорит не кто-то, а «классическая» небогатая и «выживающая» учительница. Соответственно все иные, более оптимистичные стратегии, нацеленные на прорыв, на потрясения, на обновление, оказались забытыми. И именно стратегия выживания оказалась определяющей в деятельности образовательного лобби на следующую «пятилетку».

Вторая половина 90-х годов в ряде регионов России была связана с дальнейшей политизацией образовательного лобби. И такая динамика вполне объяснима. Если не удалось повлиять на власть исполнительную прямо, непосредственно, то, возможно, удастся более активно участвовать в распределении бюджетных средств через власть законодательную (представительную). Именно поэтому представители сферы образования все чаще и все активнее стали участвовать в выборах всех уровней. Другими словами, стратегия лоббирования во второй половине 90-х годов была нацелена на получение в составах законодательных (пред-

ставительных) органов государственной власти, органах местного самоуправления как можно большего числа «встроенных» лоббистов.

Середина 90-х годов вообще ознаменовалась взлетом электоральной популярности работников социальной сферы (прежде всего — учителей и врачей). В некоторых муниципальных образования вместо представительных органов формировались соответственно консилиумы или педсоветы.

В этом отношении яркий пример такого рода электоральной политизации сферы образования дает Свердловская область. Лишь два примера. В 1996 году избирательный блок «Горнозаводской Урал» возглавляет ректор Горно-геологической академии И. Дементьев. Блок показывает феноменальный результат (12,34 %). В 1998 году в выборах в Областную думу Законодательного собрания Свердловской области участвовало корпоративное избирательное объединение «Общественное объединение работников образования и учащихся Свердловской области», которое лишь чудом и не без помощи областной избирательной комиссии не преодолело пятипроцентного барьера, собрав 4,91 % голосов.

Однако участие работников образования в выборах в большинстве случаев имело не плановый, а стихийный характер. Поэтому появление в органах власти лиц «от образования» ситуации принципиально не изменило: возможностей для лоббирования стало больше, но общий подход к лоббизму как к механизму тактического назначения, помогающему «выживать в тяжелых условиях», остался. Например, в Свердловской области после выборов 2000 года в составе Областной думы Законодательного собрания Свердловской области из 28 человек 25 человек имеют высшее образование, 7 человек имеют два высших образования, наконец, пятеро имеют ученые степени кандидатов наук. Казалось бы, что поле для образовательного лобби весьма широко. Однако если мы проанализируем структуру и состав комитетов Областной думы, то увидим, что возможности для лоббирования не так велики, как кажется на первый взгляд. Например, численность комитета по экономической политике, бюджету, финансам и налогам в результате увеличения числа комитетов практически не изменилась начиная с 1994 года. В 1994 году при четырех комитетах она составляла 8 человек, сегодня при шести комитетах — 6 человек. При этом численность комитета по социальной политике, в ведении которого и находятся вопросы образования, уменьшилась ровно в два раза: с шести до трех человек. Это значит, что привлекательность работы в этом комитете, мягко

говоря, не высока. Можно предположить, что интенсивность лоббистских усилий в пользу сферы образования, предпринимаемых комитетом и депутатами, входящими в его состав, с неизбежностью будет снижаться.

Нужно также иметь в виду, что возможности продвижения интересов через выборы для системы образования постепенно снижаются. Успехи учителей и врачей уже не столь впечатляющи. В одномандатных округах с ректорами вузов на равных конкурируют представители иных специальностей. Снижение рейтинга «Объединения работников образования и студентов» до 3,86 % голосов также оптимизма не добавляет. Причины этого понятны: повышение роли финансовых инструментов на выборах, контроль за электронными СМИ со стороны наиболее сильных групп интересов, виртуализация избирательных технологий, снижение роли в выборах референтных групп, массированное применение мобилизационных избирательных стратегий и т.д. Заметим, что в этих условиях преодолеть электоральную пассивность студенчества представителям «электорально-образовательного лобби» на региональном уровне так и не удалось*.

И в этом проявилась иная, более принципиальная проблема. Как уже отмечалось, лоббирование интересов образования было и остается совместным делом администраций учреждений образования и соответствующих органов (структурных подразделений органов) государственной власти и местного самоуправления, осуществляющих управление в сфере образования. При этом если работники сферы образования, как и их профсоюзы, в большинстве случаев лишь используются как технологический инструмент, то студенты и учащиеся остаются лишь наблюдателями. Разрыв в процессах конституирования групп интересов учителей и преподавателей, с одной стороны, и учащихся и студентов, с другой, принципиально велик. Современный студент аполитичен и лоббистски пассивен. Он зарабатывает на жизнь и учебу. Заметим, что в этом отношении студенческие «волнения» в Екатеринбурге – результат ошибочных действий властей и правоохранительных органов, фактически спровоцировавших банальную драку, возникшую по принципу «наших бьют» и

«наши не сдаются». Никаких глубинных оснований для таких волнений не было и нет.

Причем если позиция большинства лоббистски активных учителей и преподавателей до сих пор оказывается в русле стратегии выживания, то позиция лоббистски пассивных студентов, как показывают наши исследования, в большей степени нацелена в будущее. Вопрос размера стипендии для них стоит менее остро, чем проблема зарплаты для преподавателей. Соответственно проблема современности и качества подготовки для устойчивой по своим количественным параметрам группы студентов приобретает принципиальное значение. При этом готовности к самостоятельной артикуляции своих интересов (безусловно стратегического характера) студенчество не проявляет.

Одновременно с ростом трудностей в формировании встроенных лобби в органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления на федеральном уровне ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. В Государственной думе был сформирован Российский общественный совет развития образования, в который вошли, в частности, Г. Явлинский и И. Хакамада. Возможности этой очевидно лоббистской структуры будут ясны после принятия бюджета на 2001 год, но пока действия этого Совета вполне адекватны сложившейся ситуации [2]. В частности, вопрос об отходе от стратегии «развитие через выживание» не только обсуждается, но, вполне возможно, найдет свое решение в конкретных статьях бюджета, связанных с реформированием всей образовательной отрасли.

Заметим, что мировая практика знает примеры создания групп, подобных названному совету. Например, формирование неформальных групп в конгрессе США, образуемых по устойчивым признакам (расовым, территориальным, профессиональным и т.п.) стало в 70–80 годах обычной практикой. Эти группы в свое время получили название *кокусов* [3]. Более того, ситуация с группами интересов в конгрессе США развивалась в направлении их официальной институционализации. Так, например, развитие системы электорального лоббирования в 70–80-х годах в США привело к концентрации конгрессменов, представляющих отраслевые интересы, в конкретных, наиболее привлекающих для групп интересов комитетах конгресса, которые сами стали сильнейшими лоббистскими структурами встроенного типа, оказывающими решающее влияние на законодательный процесс в той или иной сфере.

*На федеральном уровне привлечь студентов на выборы удалось лишь Союзу правых сил на выборах в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации в 1999 году. Вопрос об устойчивости этого выбора пока открыт, а его решение будет зависеть от лояльности фракции СПС, действующей исполнительной власти, обеспечивающей доступ к электронным СМИ и финансовым ресурсам.

Причем роль комитетов и иных рабочих структур законодательных (представительных) органов вообще трудно переоценить. И в этом смысле образовательное лобби в Российской Федерации и ее субъектах откровенно проигрывает. И дело не только в том, что в комитетах часто принимаются решения и вырабатываются мнения, которые оказываются решающими для принятия решения на пленарном заседании палаты. Дело в том, что комитеты способны установить достаточно жесткие связи лоббистского характера с соответствующими правительственными структурами. В результате направленных усилий групп интересов в США, например, зачастую складываются «тройственные союзы»: комитет (подкомитет) палаты — исполнительные органы власти (их подразделения) — группы интересов, позволяющие фактически монополизировать правотворческий процесс, а по большому счету — и весь процесс принятия решений на всех его стадиях.

Конечно, описанный вариант лоббирования хотя и является для групп интересов наиболее оптимальным, едва ли реализуем образовательным лобби в Российской Федерации и субъектах Российской Федерации. Причин много, но основная из них — слабость групп интересов сферы образования, и прежде всего — на электоральном рынке.

Вместе с сокращением возможностей для использование электоральных ситуаций в лоббистских целях утрачивают свой лоббистский потенциал различного рода акции протеста, которые могут быть более или менее эффективными на уровне муниципальных образований и в крайнем случае — субъекта Российской Федерации, но становятся бессмысленными на уровне страны. Сегодня, в условиях структурированных и вполне управляемых коммуникационных потоков, лоббистское значение имеют не сами акции, а их освещение в СМИ. Понятно, что возможности образовательного лобби на уровне федерации, мягко говоря, ограничены из-за отсутствия мощных финансово-политических инструментов. При этом на уровне региональных СМИ по своим финансовым и интеллектуальным возможностям лоббисты интересов образования вполне способны организовать достаточно эффективную лоббистскую кампанию. Другое дело, что эти механизмы пока еще только осваиваются образовательным лобби.

***

Итак, во «взаимоотношениях» лоббизма и сферы образования в настоящее время проявляются следующие тенденции:

1. Происходит постепенное смещение в способах лоббирования с внешнего лоббизма на лоббизм встроенного типа. Акции протеста, популярные в начале 90-х годов, уходят в прошлое. При этом сохраняющиеся механизмы, способы и методы лоббирования имеют традиционный характер (встречи с депутатами, предоставление информации, письма, петиции, жалобы и т.п.).

2. Оказавшиеся неспособными эффективно влиять на органы исполнительной власти, лоббисты сферы образования сместили свои усилия на представительные органы. При этом очевидно, что эффективность исполнительного лоббирования значительно выше, чем эффективность лоббирования через «народных представителей», что косвенно подтверждает, например, опрос, проведенный службой «Кассандра». Свыше 76% лоббистов приходится на исполнительные органы власти [4]. Опыт развитых стран также подтверждает российскую практику.

Например, в Германии правительство является наиболее «лакомым» институтом для лоббирования, доступным только для самых сильных групп интересов. При этом возможности влияния на исполнительную власть ограничены законодательно. Например, обращение групп интересов, любых заинтересованных субъектов к федеральному канцлеру предусмотрено лишь в исключительных случаях. При этом правительство стремится учесть мнения заинтересованных групп, учесть мнения различных лоббистских структур. Так, при разработке проектов нормативных правовых актов в структурах исполнительной власти представители союзов (групп интересов) привлекаются как правило. Дело в том, что если при подготовке проекта заинтересованные союзы не будут привлечены, то они, в свою очередь, могут обвинить министров и даже федерального канцлера *в нарушении процесса управления* [5].

Аналогичная ситуация в Великобритании. Правительство здесь через палату общин контролирует законотворческий процесс (фактически законодательствует), а связи между комитетами палаты и соответствующими правительственными структурами устойчиво сильны. Соответственно влияние на принятие принципиальных правительственных решений настолько привлекательно, что доступно только самым мощным группам — таким, как отдельные профсоюзы (например, профсоюз горняков до его конфликта с М. Тэтчер), крупнейшим корпорациям и их объединениям. Менее влиятельным лоббистам, лоббистам средней степени влиятельности, эффективнее влиять на процесс правоприменения, влиять на административ-

ный аппарат министерств и ведомств, которые, как и в России, сами, по сути, являются лоббистами профессионально-корпоративных интересов. При этом, осознавая возможности групп интересов влиять на правоприменительную практику, правительство в Великобритании еще до стадии законодательной инициативы предпочитает предварительно выяснить у представителей заинтересованных групп их отношение к потенциальному законопроектору или иному решению.

Консультации с представителями групп интересов — отработанный в мировой практике механизм лоббирования через структуры исполнительной власти, официальная институционализация которого — необходимый шаг в развитии механизмов официального лоббизма и в России. На наш взгляд, перспективы образовательного лобби во многом как раз и связаны с созданием лоббистских по целям, формализованных, имеющих официальный статус консультационных структур при исполнительных органах государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

3. Происходит постепенная профессионализация лоббистской деятельности, что проявляется, например, в создании специализированных структур в органах власти, различного рода общественных и иных некоммерческих организаций и т. д.

4. Происходит дифференциация групп интересов, объединение которых возможно только по самым общим принципиальным вопросам, таким, как, например, определение доли бюджетных средств, выделяемых на нужды образования, или выработка стратегии развития образования в России. Если в первом случае механизмы единения интересов достаточно понятны для большинства заинтересованных групп, то во втором эти механизмы еще предстоит построить.

Дело в том, что цели традиционного лоббирования в сфере образования, как отмечалось выше, вполне подпадают под синдикалистские ярлыки. Повышение заработной платы, ремонт учреждений образования, сокращение учебной нагрузки, дополнительное увеличение времени отпуска, предоставление бесплатного проезда — все это в конечном счете связано с выделением бюджетных средств на стратегию «выживания», которая вполне способна объединить противоречивые интересы. Правда, это объединение различных групп интересов сферы образования имеет лишь временный характер, фактически лишь до принятия самого решения, после которого более частные интересы вновь

могут оказаться на противоположных полюсах. В рамках этой стратегии и этого объединения интересов любое снижение расходов, выделяемых на нужды образования, считается поражением. Именно так, например, были оценены действия образовательного лобби в период правления Р. Рейгана и Д. Буша. Однако снижение уровня средств, выделяемых на образование в США, вполне может рассматриваться не только как проигрыш образовательного лобби, а как изменение стратегических приоритетов, которое в общем виде выразилось в переходе от кейнсианской политики к политике монетаристской, связанной в системе образования с уменьшением государственного вмешательства и стимулированием конкуренции в социальных отраслях, в том числе в сфере образования.

Особенно важно в такой смене стратегических приоритетов, что ее инициатором выступает не образовательное лобби, а политические субъекты иного рода, сосредоточивающие широкие группы интересов. Таким образом, практика развития образования в развитых странах показывает, что вполне допустимой является гипотеза о том, что группы интересов сферы образования в настоящее время в России не способны лоббировать свои интересы, связанные с изменением стратегических приоритетов, тем более на уровне субъекта Российской Федерации или муниципального образования. Более того, возрастание способности групп интересов отстаивать свои частные интересы в рамках стратегии «выживания» на практике может препятствовать развитию самой образовательной отрасли, так как в этом случае вектор принимаемых решений может быть направлен отнюдь не в сторону общественных интересов.

В том случае если эта гипотеза верна, то перспективы образования в России сегодня зависят не от возможностей традиционного образовательного лобби, а от правильности формулирования стратегии в сфере образования компетентными субъектами принятия политических решений.

Литература

1. Перегудов С. П. Организованные интересы и российское государство: смена парадигм // Полис, 1994, № 5, С. 70—74.
2. Ляпунова Г. Аппетиты образовательного лобби растут // Коммерсант. 16 сентября 2000 г.
3. Политические институты США. М., 1988. С. 254.
4. Любимов А. П. Институт лоббизма и обращения граждан // ИПС «Кодекс».
5. Смирнов В. В., Зотов С. В. Лоббизм в России и за рубежом: политико-правовые проблемы // Государство и право. 1996. № 1. С. 116